

Колкие замечания Ли Яо возникли не на пустом месте.

Нынешний император, Чжао Шэн, был на три года старше Ли Яо. Он обладал и талантом к государственному управлению, и воинской доблестью, но при этом отличался чрезмерным легкомыслием в любовных делах.

В те времена, когда на границах еще не утихли военные столкновения, Чжао Шэн уже окружил себя бесчисленными наложницами и фаворитами. Стоило же пороховому дыму рассеяться, как он принялся выискивать красавиц и красавцев по всей стране, чтобы те скрашивали его одиночество в дворцовых покоях.

Подобное поведение обычно вызывает лишь осуждение, однако император умудрился издать особый указ: во дворец должны попадать исключительно те, кто сам того пожелает. Если же выяснится, что во время отбора кого-то принудили силой, виновных ждет суровое наказание.

Этот указ не только спас его от славы обыкновенного сластолюбца, но и снискал немало одобрительных возгласов в народе.

Вскоре толпы прекрасных юношей и девушек, привлеченные благородным именем государя, устремились в столицу. Дошло до того, что в огромной императорской резиденции, славившейся своими бесчисленными залами и покоем, банально не осталось свободных комнат. В конце концов придворные взбунтовались и привлекли к делу императрицу. Лишь тогда безумный отбор красавиц временно прекратился.

Вдоволь позубоскалив, Ли Яо вернулся к делу:

— Военное снаряжение — это наша опора. Но почему советники выступают против?

Однако стоило ему взглянуть на кислую мину Хуа Синьфэна, как ответ стал очевиден — казна пуста.

Кучка узколобых законников только и умеет, что твердить о соразмерности расходов и доходов. Вместо того чтобы искать новые источники богатства, они думают лишь о том, на чем бы еще сэкономить.

— Мой соученик по экзаменам, служащий ныне в Министерстве общественных работ, очень хочет сдвинуть дело с мертвой точки, — нерешительно произнес Хуа Синьфэн. — Он прислал письмо с просьбой, чтобы командующие пограничными гарнизонами подали совместный доклад государю. В конце концов, к мнению пограничной армии Его Величество все же прислушивается.

Звучало разумно, но мало кто из генералов горел желанием высовываться. Совместное прошение легко могло показаться государю попыткой давления.

Ли Яо прекрасно понимал: Хуа Синьфэн пришел предупредить его. В какую бы сторону ни склонился император, в воздухе уже отчетливо пахло грядущими политическими бурями.

Видя, что Ли Яо задумался, Хуа Синьфэн понял, что его слова возымели действие. Он налил себе чаю из чайника, но, сделав глоток, скривился:

— Ну и гадость! Я-то думал, это пуэр, а тут какое-то лекарственное варево! Зачем ты опять пьешь этот старый дешевый чай?

Ли Яо с улыбкой взял большую пиалу, ошпарил ее кипятком и потянулся к стоящей рядом чайнице:

— Хоукуй, легендарный «Обезьяний главарь», свежий сбор этого года. Попробуй, — он бросил крупные чайные листья в чашку, дал им раскрыться, заварил и протянул Хуа Синьфэну. — В последние дни мне постоянно снится старик. До сих пор помню: как-то раз я раненым вернулся с задания, думал, конец пришел. Но стоило прийти в себя, как старик влил мне в рот глоток чая. Тот вкус показался слаще нектара самой владычицы Ванму. А потом... сколько ни пробовал, все не то.

Хуа Синьфэн опустил взгляд на крупные чайные листья, медленно разворачивающиеся и кружащиеся в воде, и вздохнул:

— Говорят, старики больше всего любят внуков. Раньше мне казалось, что дед тебя совсем не жалел, раз отправил в тайную стражу в таком нежном возрасте. Но теперь я вижу, как далеко он глядел. Если бы не те юношеские испытания, твой дальнейший путь...

Он кашлянул, проглатывая вместе с глотком ароматного чая готовую сорваться с губ фразу «все равно не уберег бы от чужих интриг», и резко сменил тему:

— Потому я и хочу отправить Цзинпина на закалку. За эти три года его никто не тревожил. Похоже, история с Иншу наконец-то осталась в прошлом.

Ли Яо удивленно приподнял бровь:

— Отличная мысль. Я и сам об этом думал, да все не решался предложить. Поговоришь с ним сегодня?

— Лучше ты... — замялся Хуа Синьфэн. — Не знаю, с какого боку подступиться к этому мальчишке. Вы все обсудите, а я потом обо всем позабочусь.

«Что тут сложного? Его же не выгоняют со двора».

Эта мысль промелькнула в голове Ли Яо, но, глядя на непривычно смущенное лицо Хуа Синьфэна, он все понял.

Не зря говорят: у строгого учителя и ученики усердные. В свое время Ли Яо отказался лично обучать Цзинпина именно потому, что знал: наставник из него выйдет никудышный. Чего доброго, поднял бы мальчишку ни свет ни заря, а вместо уроков потащил бы удить рыбу.

Зато Хуа Синьфэн подошел к делу со всей строгостью и передал юноше все свои знания без остатка. Ли Яо до сих пор помнил случай, когда Цзинпин отвлекся на тренировке, и разгневанный учитель заставил его стоять в стойке всадника целых два шиченя.

В мальчишке жило упрямство: он безропотно сносил наказание под палящим солнцем. Ли Яо, заметив его, велел подняться, но тот отказался. Когда время вышло, одежда Цзинпина промокла насквозь, точно его только что вытащили из воды, а ноги так дрожали, что он едва мог сделать шаг.

Вечером того дня Хуа Синьфэн пришел поужинать. Увидев, как тяжело дается ученику каждый шаг, он едва не прослезился.

Ли Яо понимал: Хуа Синьфэн воспитывал Цзинпина как собственного сына. Когда старый орел выталкивает птенца из гнезда навстречу пропасти, его сердце неизбежно сжимается от боли и тревоги. Но Хуа Синьфэн привык держать лицо и боялся, что проявит слабость, которую заметит ученик.

— Ну ладно тебе, расчувствовался, — подразнил его Ли Яо и, вспомнив утреннее происшествие у реки, спросил: — В народе поговаривают о каком-то амулете Отделяющегося Огня. Ты слышал об этом?

Хуа Синьфэн нахмурился, перебирая в памяти слухи, но в итоге покачал головой.

Вечером Ли Яо постучал в дверь Цзинпина. Войдя, он застал юношу за чтением «Очерка об основах управления ресурсами». Автор этого труда давно затерялся в веках — поговаривали, им был безвестный историограф ушедшей династии, собиравший тайны, которым не нашлось места в официальных хрониках. Описанные им события выглядели на редкость правдоподобно, а слог отличался дерзкой остротой и убедительностью, хотя разобрать, где там правда, а где вымысел, теперь не представлялось возможным.

Цзинпин при виде гостя закрыл книгу, налил чаю и почтительно преподнес пиалу.

Ли Яо уселся и, немного подумав, решил зайти с козырей, без лишних церемоний сдав своего племянника-наставника Хуа:

— Мы тут с твоим учителем посоветовались и решили, что тебе пора отправиться в странствие

ради закалки. Но у него... глаза на мокром месте, да и гордость не позволяет показать свою слабость. Переживает за тебя, а виду подавать не хочет. Вот и отправил меня во всем признаться.

Цзинпин молча выслушал его, не проронив ни слова.

С годами он заметно возмужал, черты его лица утратили юношескую мягкость. Маска, подаренная Ли Яо, которую он почти не снимал, делала его облик резким и суровым, на первый взгляд даже пугающе безучастным.

Ли Яо уже хотел было мысленно посетовать, что парень становится все нелюдимее, как вдруг заметил на его губах мимолетную улыбку — мягкую, едва различимую, растаявшую в одно мгновение.

— Учитель... Я знаю его характер, — Цзинпин посмотрел на Ли Яо. — А ты? Будешь ли ты беспокоиться обо мне?

Хотя по наставнической линии их разделяло два поколения, разница в возрасте составляла меньше десяти лет. Ли Яо не любил условностей, а поскольку они жили в одном дворе и постоянно сталкивались, Цзинпин вел себя с ним куда проще, чем с собственным учителем.

Однако этот вопрос сорвался с губ так внезапно и непринужденно, что юноша сам осекся.

Слова прозвучали как-то по-детски капризно.

Ли Яо лениво приподнял веки и с легкой усмешкой посмотрел на него.

«Ребенок есть ребенок. Каким бы холодным ни казался с виду, все равно ищет повод покапризничать».

— До сегодняшнего утра я беспокоился, — заговорил Ли Яо. — Но когда увидел, как ловко ты управляешься с камнями на реке, тревога поутихла. Если сам не полезешь на рожон, за себя точно сумеешь постоять.

В щель приоткрытого окна ворвался сквозняк. Ли Яо глухо раскашлялся и, когда приступ утих, спросил:

— Или ты не хочешь посмотреть мир?

Цзинпин снял со спинки стула плащ, накинул его на плечи Ли Яо и плотно притворил створки окна:

— Конечно хочу. Не желаю вечно прятаться под крылом у наседки.

Ли Яо лишился дара речи.

«Слова вроде бы правильные, но звучат как-то дико. Похоже, я слишком тебя избаловал».

Он молча проглотил колкость, укоряя себя за то, что как старший не подал достойного примера, и решил не придирается к словам подопечного.

— Есть ли места, куда ты мечтаешь отправиться, или дела, которые хочешь завершить?

Цзинпин умел задеть словом, но приличия соблюдал свято: пока Ли Яо не предлагал присесть, он так и стоял рядом. Юноша задумался, опустив взгляд. Затем он снова посмотрел на Ли Яо — в неверном пламени свечи в его глазах отразились причудливые тени, обнажив мимолетное, труднообъяснимое чувство.

— Я хочу узнать правду о гибели моей семьи, но понимаю, что спешка тут ни к чему. Поэтому для начала планирую вернуться в город Синьань. И еще... отыскать лекарство от твоего кашля.

Кашель Ли Яо вовсе не был следствием болезни, но рассказывать об этом юноше он не собирался. Узнав, что Цзинпин так сильно о нем печется, он почувствовал тепло на душе.

«Не зря я к нему всей душой. Человеческое сердце все-таки не камень. Вот только...»

«Перед лицом абсолютной власти любое сердце превращается в сочащуюся ядом язву».

От этих мыслей у него перехватило дыхание, в груди болезненно закололо, и он снова зашелся в кашле.

Цзинпин поспешно подошел ближе и принялся легонько хлопать его по спине:

— Опять? В комнате ведь нет ветра. Я отправлюсь в путь со дня на день. Даже если не найду полного исцеления, отыщу средство, которое принесет хоть какое-то облегчение.

Ли Яо покачал головой и, немного подумав, возразил:

— С кашлем спешить не стоит. Твой наставник — мой соученик по ордену. Ты постигаешь наше искусство уже больше трех лет, так что тебе первым делом надлежит навестить школу и засвидетельствовать почтение.

Он надеялся перевести разговор на дела школы, но Цзинпин проигнорировал его слова.

Юноша опустился перед ним на одно колено и заглянул снизу вверх прямо в лицо:

— Почему у тебя такое слабое здоровье? Судя по пульсу, это застарелый недуг. Неужели придворные лекари ничего не смогли сделать?

Белоснежные, похожие на шелк пряди Ли Яо соскользнули с его плеч. Цзинпин не удержался — подхватил кончики волос пальцами и бережно закрутил на ладони.

— И почему... ты поседел в столь юные годы?

Эти вопросы Цзинпин долго хранил в тайне. Прежде он понимал, что слишком слаб, и знание правды ничего бы не изменило. Лишь однажды, когда Ли Яо задышался от кашля особенно сильно, он попытался расспросить Хуа Синьфэна, но наставник, как и ожидалось, велел ему сосредоточиться на тренировках. Теперь же, накануне разлуки, юноша не выдержал. Ли Яо был одним из немногих близких и глубоко уважаемых им людей в этом холодном мире. И пусть Цзинпин догадывался, что ответа не получит, он все же решился высказать то, что так долго его мучило.

Договорив, он пристально посмотрел на Ли Яо.

Этот горячий взгляд пронзил обычное напускное равнодушие Ли Яо, заставив его почувствовать себя неловко.

Он растерянно моргнул и отвел взор:

— По глупости юных лет слишком много работал и совсем не отдыхал. Вот и надорвался. Лекари осмотрели меня и сказали, что у меня истощение сил. Потому я и сбежал сюда, на юг, чтобы пожить в тишине и покое.

Цзинпин не сводил с него глаз. Объяснение звучало правдоподобно, но на деле мало что проясняло.

— Но разве... император отпустил бы тебя на юг в таком состоянии? Почему он не приказал лучшим лекарям заняться твоим здоровьем? Вы ведь дружили с детства, когда вместе учились...

Цзинпин спросил это без задней мысли, но Ли Яо лишь горько усмехнулся про себя.

«То, что он и его венценосный отец не поднесли мне чашу с ядом, отправив навстречу с предками, — уже величайшая милость богов».

Ли Яо глубоко вздохнул и с напускным раздражением оборвал его:

— Помыслы владык не твоего ума дело. Не смей рассуждать о подобных вещах.

Эти слова заставили Цзинпина замолчать.

Ли Яо поднялся на ноги. Заметив, что юноша нахмурился и выглядит уязвленным, он смягчился и дружески похлопал его по плечу:

— Ты уже взрослый. Помни: даже если ты что-то заметил, не стоит сразу об этом говорить. Судить обо всем по словам лишь одного человека — удел глупцов. Слушай, смотри и учись отличать правду от лжи. Только тогда обретешь истинную мудрость.

Ли Яо привык шутить и паясничать, из его уст редко можно было услышать что-то дельное. Поэтому сейчас Цзинпин готов был запечатлеть каждое слово наставления в своем сердце.

Но тут же в его голове промелькнула каверзная мысль:

«Но ведь слова про истощение сил — это тоже лишь его слова. Получается... он сам со мной не до конца откровенен?»

Ли Яо и представить не мог, какими сложными путями блуждают мысли этого юноши. Не заметив, как сам себя поймал на противоречии, он посчитал, что урок усвоен, и продолжил:

— О нас с твоим учителем не беспокойся. Странствуй, смотри мир, а как устанешь — возвращайся. Я велю твоему наставнику выправить для тебя подорожную казенной почты. Будет время — пиши.

Закончив напутствие, он достал из-за пазухи изящный кинжал.

— Раз уж ты зовешь меня гранд-дядей-наставником, прими этот подарок.

Цзинпин смутно припомнил это оружие. С тем кинжалом Ли Яо спас его три года назад, только этот казался чуть короче.

— Это то самое оружие, которым ты защитил меня?

Ли Яо небрежно улыбнулся:

— И да, и нет. Тот кинжал я переплавил. Часть закаленного снежного железа ушла на твою маску, а из остатка выковали этот клинок. Не скажу, что это легендарное оружие богов, но вещь вполне достойная. В дальнем пути вы станете хорошими спутниками и присмотрите друг за другом.

С этими словами Ли Яо, не любящий долгих прощаний, повернулся и покинул комнату.

После этой ночи юноша отправился в странствие совсем другим человеком.

Три года назад, раздавленный гибелью семьи, он не знал, как жить дальше. Даже когда рядом была двоюродная бабушка, он чувствовал себя беззащитной щепкой в бурном потоке. А после ее кончины и вовсе остался один-одинешенек в целом свете, потеряв всякие ориентиры.

Но судьба сжалилась над ним, подарив судьбоносную встречу с его спасителем. За три года этот человек сумел излечить израненную душу юноши от страха и неуверенности. Одной лишь простой фразы — «как устанешь, возвращайся» — хватило, чтобы в сердце Цзинпина воцарился покой.

Теперь он точно знал: в этом огромном холодном мире есть душа, которой он небезразличен. И в тихом южном дворике его всегда ждет комната, ставшая настоящим домом.

Что же до самого Ли Яо, его жизнь в уединенном дворике была сродни мудрому отшельничеству.

Пусть он и не слышал, какие интриги плетут вельможи в далекой столице, ему достаточно было заглянуть на городской рынок, прицениться к рису и муке да послушать досужие разговоры в чайных, чтобы безошибочно понять, куда катится этот мир.

К тому же рядом всегда был Хуа Синьфэн, исправно снабжавший его последними столичными сплетнями.

Цзинпин странствовал уже почти два года. Он регулярно отправлял письма с казенной почтой, делясь увиденным и пересылая рецепты снадобий, которые просил учителя и военных лекарей проверить — вдруг что-то поможет Ли Яо.

Ли Яо покорно принимал все присланные лекарства и неизменно уверял, что ему становится лучше. Но Хуа Синьфэн понимал: эти снадобья способны лишь временно облегчить симптомы, но не искоренить сам недуг.

Незадолго до Нового года Хуа Синьфэн принес очередное послание от Цзинпина.

Полмесяца назад юноша обещал вернуться к праздникам, однако во втором, спешном письме сообщал, что задерживается по делам и приедет, скорее всего, лишь весной. Он также предупреждал, что отправлять весточки отныне будет труднее, и просил не волноваться.

Ли Яо пробежал глазами короткие, написанные в привычной лаконичной манере строки и неожиданно почувствовал укол разочарования. Он уже и забыл, каково это — с нетерпением ждать чьего-то возвращения.

— Парень ведь из кожи вон лезет, пытаясь вылечить твой кашель, — вздохнул Хуа Синьфэн. — Но он ведь не знает истинной причины. Все его поиски напрасны...

Ли Яо бросил на него короткий взгляд.

— А как иначе? Рассказать о следствии — значит выдать причину, — он задумчиво коснулся иссиня-черного браслета на запястье. — Не хватало еще жаловаться ребенку на то, как увяз в паутине грязных интриг императорского дома.

И как раз в этом месяце из армии пришли тревожные известия: среди пограничных гарнизонов трех южных городов вспыхнула масштабная эпидемия. Болезнь не убивала мгновенно, но изнуряла солдат неделями.

Командование спешно направило доклады в столицу, из последних сил стараясь скрыть масштабы беды от рыщущих вдоль границ варваров.

Однако праздники миновали, а эпидемия и не думала отступать. Число заболевших множилось с каждым днем. Если так пойдет и дальше, даже малейший сбой в графике смены караулов выдаст врагу их плачевное положение.

В цзиньских землях, не знавших войн последние шесть или семь лет...

кажется, назревала великая смута.

<http://bllate.org/book/18368/1760220>